

Зима в субарктических широтах наступала стремительно, почти пугающе. Буквально за пару недель сугробы вырастали в человеческий рост, а некогда яростное течение лесных рек оказывалось намертво сковано ледяным панцирем. Весь мир вокруг погружался в ослепительную, мертвенно-белую тишину.

После той единственной крупной добычи удача словно отвернулась от Гун Чао. Снегопад не прекращался, сугробы росли с каждым часом, а дичь в лесу словно сквозь землю провалилась.

За целую неделю ему попадалась лишь падаль — окоченевшие туши, то там, то здесь сиротевшие среди заснеженных зарослей. Все они без исключения пали жертвой безжалостной стужи.

В этот беспощадный сезон смерть караулила каждого, кто не успел подготовиться к зиме. И все же гибель одного зверя даровала шанс другим: замерзший труп становился спасительным пиршеством для уцелевших бродяг, редкой возможностью набить брюхо калорийной пищей.

Оказавшись в шкуре дикого зверя, он не привередничал, тем более что естественная заморозка отлично сохраняла мясо свежим. Гун Чао без лишней брезгливости утолял голод ледяной мертвечиной, однако тревога за завтрашний день лишь нарастала.

— Кажется, на этом этапе никакой огненной стены не предвидится, — пророкотал Гун Чао.

На его спине покоился тук из меховой одежды, внутри которого, укутавшись по самый клюв, дремал Луань Лин.

Сугробы волку доходили уже до груди. Попробуй тетерев, как прежде, цепляться за шерсть напарника снаружи, его бы засыпало с головой при первом же шаге. За последние двое суток в поисках пропитания они отмахали почти тридцать километров, но так и не наткнулись на огненную стену. Была лишь бесконечная, завывающая пурга.

— Думаю, у этого этапа другие правила, — донеслось из недр мехового свертка дрожащее бормотание Луань Линя. — Холод будет только крепчать. Со временем тут все вымерзнет до звона.

— И что нам делать? Лечь в берлогу и дрыхнуть, как медведи? — Волк мотнул головой, стряхивая налипшую наледь, но колючая крупа мгновенно облепила морду вновь. Днем мороз припекал сильнее, чем в первую ночь. Зубы уже с трудом разжимались от холода.

Луань Лин закопался поглубже в складки шкур, лихорадочно соображая. Как лесные обитатели спасаются от ледяного ада? Большинство впадает в спячку. Кто-то обзавелся плотным подшерстком или толстым слоем жира. А те, у кого нет ни того, ни другого, просто уходят. Мигрируют!

Точно! Кочевка!

— Послушай, зверья вокруг почти не осталось! Они ведь не вымерли все разом. Они уходят туда, где теплее.

— Предлагаешь пристроиться к ним в хвост? — засомневался серый. — Я заметил, что последние следы оленьего стада вели на север. Странно как-то. Разве им не положено двигаться к югу?

— Зверь дурного не выберет! Куда идет добыча, туда и нам дорога. Двигай за ними, не прогадаем!

— Ладно, — согласился волк.

Переменив курс, он развернулся грудью к секущему ветру и двинулся туда, где в последний раз приметил свежие олени тропы.

Идти становилось невыносимо тяжело: снежная целина поглощала серого хищника чуть ли не целиком. Обычный волк благодаря широким лапам и легкому шагу скользил бы по насту без особого труда, но на плечах Гун Чао висело тяжелое ружье и громоздкий тюк с вещами.

Избыточный груз безжалостно увлекал его на самое дно снежного месива. Каждый шаг требовал колоссального напряжения мышц.

Луань Лин с сочувствием наблюдал, как напарник грудью пробивает траншею в сугробах.

— Послушай, может, бросишь этот хлам? — виновато пискнул он. — Оставим только шапку, как на том этапе. Зачем надрываться?

— Ерунда, — глухо бросил серый. — Оставим шкуры — и ты превратишься в человека голышом на таком морозе. Околеешь в ту же секунду. Да и ночью без этого кокона мы просто не проснемся.

Луань Лин растроганно прижался к его теплой холке.

— Жаль, что при объединении в команду дают всего один розыгрыш призов на двоих. Да еще и воспользоваться им может только один. Будь у тебя возможность принимать человеческий облик, все было бы куда проще, верно?

— Тебе нужнее, — отрезал Гун Чао. — Человеческое тело спасет твою шкурку в критический момент. А мне без надобности. Серый волк и так достаточно силен.

Он наконец набрел на старую примятую тропу, оставленную какими-то крупными копытными. Идти по ней стало значительно легче — лапы больше не проваливались по самое брюхо.

Согреваясь дыханием напарника, Луань Лин тихо спросил:

— Слушай, а почему ты со мной так нянчишься? Из-за того, что я рассказал про свою жизнь? А вдруг я все выдумал, чтобы разжалобить тебя? Что, если Ван Ганхао тогда говорил правду?

Волк презрительно фыркнул, из его ноздрей вырвались два облачка пара.

— Будто я раньше к тебе плохо относился, неблагодарная птица. С какой стати мне верить той конченной мрази, у которой руки по локоть в крови?

Луань Лин тут же включил режим подхалимажа:

— Ну что ты, нет, конечно! Ты самый лучший! Самый замечательный Лао Гун на всем белом свете!

— Опять за свое, — беззлобно отозвался Гун Чао. — Довыпендриваешься, замуж никто не возьмет.

Он поддразнивал птицу легко и непринужденно. Никакой брезгливости или неловкости из-за завуалированных шуток на тему ориентации между ними давно не осталось.

— Это почему сразу «замуж»? Может, я сам какого-нибудь симпатичного парня в дом приведу! — возмутился Луань Лин.

"А если этим парнем будешь ты — вообще сказка. Хотя я и на роль жены согласен", — сладко размышлялся мысленно тетерев.

— С твоим-то трусливым характером и цыплячьим весом? — усомнился волк. — Кого ты там прижимать собрался, герой-любовник?

— А вот и прижму! — Луань Лин расправил крылья и шутливо захлопал ими по широкой волчьей спине. — Вот прямо сейчас и прижимаю. Тебя!

— Чего?!

Такого вопиющего посягательства на мужское достоинство серый стерпеть не мог. Он резко крутанулся и подпрыгнул на месте. Тюк с вещами вместе с наглым тетеревом кубарем полетел в сугроб.

Луань Лин с глухим «плюх!» зарылся в рыхлый снег. Не успел он очухаться, как Гун Чао накрыл его сверху расстеленной шубой. Волк ловко, в пару движений передних лап запеленал неугомонную птицу в мех и навалился сверху всей своей тушей.

— А-а-а, пощади! — завопил замотанный до полусмерти Луань Лин. — Осознал, каюсь! Не делай из меня куриный ролл!

Гун Чао злорадно оскалился.

— Шаурма, говоришь? Ну тогда полетели!

Он уперся лапами в сверток и с силой толкнул его вперед. «Куриный ролл» весело покатился по склону.

Только в этот момент Луань Лин с ужасом сообразил, что они стояли на самом краю крутого склона. Завернутая в шкуры птица кувыркалась по снежному насту, стремительно набирая ход.

— Кудях-тах-тах! Помогите-е-е! — истошно голосил несчастный тетерев, на собственной шкуре познавая всю прелесть безумного центрифужного вращения.

Когда безумный полет наконец прекратился, у бедной птицы перед глазами кружились хороводы из разноцветных искр.

— Ну как, взбодрился? — ухмыльнулся подоспевший волк, весело прыгая рядом. Без тяжелой ноши он преодолел спуск в одно мгновение.

— Все, сдаюсь, молчу! — жалобно заскулил Луань Лин. — Никакого доминирования! Это ты меня сверху прижал! Лао Гун, ты сверху!

Волк шутливо прижал его лапой к снегу:

— Опять паясничаешь!

— Все-все, мир! Идем дальше, пора спешить, пока совсем не заоченели!

Серый поворчал для вида, строго посмотрев на напарника желтыми глазами, но аккуратно водрузил завернутого в меха тетерева обратно на загривок и двинулся дальше.

Луань Лин блаженствовал в теплом гнездышке, тайно ликуя. Вот ведь упрямый ворчун! На словах грозит бросить, а сам бережно тащит на себе. Тетерев чувствовал, что из Гун Чао можно вить веревки — тот все равно стерпит любые капризы и пальцем его не тронет.

— О чем ты там опять гредишь, чучело? — раздался в голове суровый ментальный голос волка.

Луань Лин вздрогнул. Ему на секунду показалось, что он умудрился случайно транслировать свои флировольные мысли напарнику напрямую по командной связи.

— Молчишь? — хмыкнул Гун Чао. — Можешь не отвечать, по твоей хитрой морде вижу, что пакость какую-то замышляешь. Учти: еще одна глупость, и пойдешь пешком по сугробам.

— Все-все, я нем как рыба! — поспешил капитулировать Луань Лин.

Испытывать терпение хищника не хотелось: шлепать лапами по ледяной каше — сомнительное удовольствие. Куда приятнее дремать на широком надежном загривке. Свернувшись поуютнее среди мехов, он прикрыл глаза. Тепло разнежило его, и вскоре он сладко уснул.

Через пару километров Гун Чао почувствовал, что копошение на спине прекратилось. Его пернатый груз затих, спрятав голову под крыло. Волк скосил взгляд на спящего напарника и едва слышно фыркнул — по-волчьи ласково. Он пошел медленнее, стараясь выбирать ровные участки пути, чтобы не тревожить сон своего маленького пассажира.

Могучие еловые лапы гнулись к самой земле под тяжестью белых шапок. Время от времени тишину спящей тайги нарушал шорох: пухлые, похожие на серые шарики синицы перепархивали с ветки на ветку, роняя пушистые хлопья снега.

Маленькие птицы оживляли этот холодный пейзаж, напоминая, что жизнь здесь еще теплится. Однако вскоре Гун Чао наткнулся на мрачное зрелище — полузасыпанный снегом труп койота. Его туша была обглодана до костей местными хищниками. Чуть поодаль валялась голова с клочьями окровавленной шерсти; ветер шевелил уцелевшее острое ухо мертвеца.

Волк хладнокровно обогнул останки и зашагал дальше.

Им жизненно необходимо было отыскать надежное убежище с источником тепла и пищи, иначе следующими, чьи кости побелеют под ледяным настом тайги, станут они сами.

К счастью, следов лесных обитателей становилось все больше. Снег пересекали глубокие борозды — судя по всему, здесь недавно прошла смешанная отара диких быков и оленей. Если прибавить шаг, то вполне можно было нагнать хвост этого кочующего каравана.

Луань Лин резко проснулся от того, что за шиворот ему упал ледяной ком. Вокруг царил серый полумрак, а колючий ветер гнал сплошную стену крутящихся снежных хлопьев.

Буря редела во весь голос, угрожая сбить с ног любого путника.

— Гун Чао! — испуганно пискнул Луань Лин. — Зачем ты идешь в такую темень? Немедленно ищи укрытие, нужно переждать ночь!

Серый волк упорно пробивался вперед, но на фоне разгулявшейся стихии даже его могучее тело казалось беззащитной песчинкой.

Он тяжело дышал, пытаясь уловить хоть какие-то запахи сквозь ледяную круговерть.

— Снег засыпает тропу, — прохрипел он. — Если остановимся сейчас, к утру буран сотрет все следы. Мы потеряем направление.

— Но жизнь-то важнее! — Луань Лин забил крыльями по его плечам, умоляя остановиться. — Стой, кому говорю! В такой буран замерзнуть — раз плюнуть!

Опасность обморожения была слишком реальна. На таком жутком ветру сознание угасает незаметно: сначала коченеют конечности, потом наступает обманчивое тепло, а за ним — вечный сон.

— Не паникуй, я контролирую ситуацию.

— Да ничего ты не контролируешь! Свалишься сейчас в сугроб — и поминай как звали! — Луань Лин места себе не находил от страха, как вдруг сквозь завывание ветра уловил едва различимый, чуждый буре гул. — Стой... Слышишь?

— Что там? Хищники? — Волк замер, наострив уши и вглядываясь в серую пелену.

— Да нет же! Вода! Слышишь, вода шумит?

— Вода?.. — Гун Чао прислушался. Действительно, где-то впереди глухо рокотал речной поток.
— Ну да, река. Ты пить хочешь?

— Какое «пить»! — Луань Лин едва не подпрыгнул в своем укрытии. — Река не замерзла! Понимаешь, что это значит при таком-то морозе? Где-то выше по течению бьют горячие источники!

— Горячие источники?.. — удивился серый.

Сам он ни за что бы не догадался связать шум незамерзшего ручья с подземным теплом.

— Вот именно! Прекращай свой безумный марш-бросок, давай заночуем в первом же безопасном месте. А завтра пойдем вдоль русла. Уверен, все лесные звери потянулись именно туда!

— Ну ты голова, — восхищенно выдохнул Гун Чао.

Его пернатый напарник умел удивлять. Пусть трусливый и вечно паясничавший, в критические минуты Луань Лин становился настоящим спасением.

Не откладывая дело в долгий ящик, волк нашел укромную ложбину под прикрытием крутого склона. Разгребя лапами сугроб до самой земли, он расстелил теплую меховую одежду и плотно укутался вместе с товарищем.

Этот импровизированный кокон стал их спасением. Снаружи бесчинствовал буран, а под грудой шкур, согревая друг друга дыханием, они смогли пережить еще одну суровую субарктическую ночь.

Утро встретило их хрустальной тишиной — буря утихла. Пробравшись к берегу, они воочию убедились в правоте Луань Линя: над незамерзшей водой поднимался легкий, едва заметный пар. По течению неспешно скользила пара диких лебедей; заметив на берегу серого хищника, птицы тревожно захлопали крыльями и тяжело поднялись в воздух.

— Вдоль русла, Лао Гун! — радостно скомандовал Луань Лин. — Там нас точно ждет тепло!

<http://bllate.org/book/18183/1752561>